

Из последнего следует, что всякий гражданин, служащий в вооруженных силах на должностях командира тактической единицы, равной ей и выше, должен владеть языком командования (русским) наравне с языком командным (национальности войскового формирования).

IV. Народная война и вооруженный народ.

8) Современное состояние военной техники поставило проблему народной войны, т. е. вооруженного народа. Единственной системой подготовки, отвечающей этому заданию, является смешанная система кадрово-территориальная, кот. должна быть сохранена и развита в организации вооруженных сил России-Евразии. Если эта система как будто бы и не удовлетворяет современным условиям СССР, то главным образом в силу классового признака, проникающего организацию его вооруженных сил.

9) Принцип народной войны требует напряжения всех сил государства, как человеческих, так и материальных. Поэтому военная мобилизация должна быть лишь частью общегосударственной (план войны). Обще-государственная мобилизация должна предусматривать использование всех материальных и моральных ресурсов страны.

10) Опыт показал, что в европейских условиях внешняя помощь не может отвечать потребностям современной войны. Ресурсы Евразийского мира позволяют России вести войну своими средствами. Необходима однако индустриализация страны (машиностроение, моторостроение и пр.).

V. Союзное командование.

11) Вооруженные силы России, в отличие от европейской практики, должны быть объединены в единый организм, включающий сухопутные, воздушные и морские силы.

12) Общее руководство подготовкой и ведением войны осуществляется особым единым верховным союзным органом.

П. Н. Малевский Малевич.

ЗАПИСКА О СУДЕ.

1. Судебные функции юридически являются одним из первых атрибутов государственной власти. Можно даже сказать, что самое зарождение государства происходит тогда, когда в первобытных обществах возникает властная организация, преследующая две основные цели, — производство суда и охрану безопасности, внешней и внутренней. В той или иной степени теснейшая связь суда с государством наблюдается в течение всей человеческой истории, при полной разности отдельных направлений, по которым эта история двигалась. В основе отмеченной связи между судом и государством лежит потребность найти беспристрастную, нейтральную силу, на авторитетное суждение которой можно было бы без страха представлять как частный спор (суд гражданский), так и оценку деяний, угрожающих самому бытию данного общества и идущих в разрез с его основными жизненными устоями (суд уголовный). Нет спора в том, что в течение известной нам человеческой истории потребность эта не находила истинного удовлетворения: исторические государства были государствами классовыми, организованный ими суд или не был судом внеклассовым и беспристрастным, или же только отчасти удовлетворял интересам беспристрастности и нейтральности. Однако, историческая неполнота воплощений не лишает самую проблему свойственного ей основного смысла: задача отыскать нейтральную силу для оценки столкновения интересов частных между собой, или же интересов частных с интересами публичными, ставится во всей своей полноте и поныне. Она одинаково значима во

всяком обществе — и буржуазном и пролетарском. Особенно, в государстве, в котором уничтожены несправедливости буржуазного строя, суд нуждается в том, чтобы стать судом истинно беспристрастным, который судил бы трудящихся не по принципам господствующих классов, но по началам истинного права. И таким образом государство трудящихся особенно заинтересовано в том, чтобы организовать истинно нейтральный, внеклассовый суд.

2. В каком отношении суд этот должен стоять к государству? В современной юридической литературе существует стремление построить организацию суда совершенно независимо от государства. Провозглашенный европейским либерализмом известный принцип «независимости суда» истолковывают в смысле полной «выключенности» суда из иерархической системы государственного властвования. Суд должен быть независимее, чем управление (правительственная власть) и даже независимее, чем законодательство (законодательная власть). Судебные установления в государстве должны представлять собою некоторую совершенно свободную организацию, как бы государство в государстве. Положение их в ряду других государственных органов, согласно названному воззрению, можно уподобить разве только положению автономного местного самоуправления, — конечно, не согласно существующей практике, но согласно нормам либерально-демократической теории. Суд, подобно органам самоуправления, должен стать самостоятельной публично-правовой личностью, которая в праве оставить без внимания всякое указание, исходящее от любого государственного органа, — как бы высок ни был орган, это указание дающий. Психологической основой этой теории является безотчетный страх перед государством, который испытывается многими учеными и писателями либеральной школы. Связь с государством считают наихудшей формой зависимости, забывая все преимущества, обеспечиваемые этой связью. Государство уже просто по своей мощи, — по одному тому, что оно вооружено большей силой, чем все другие союзы, — способно освободиться от тех влияний, которым подлежат организации более слабые. Государство, напр., труднее подкупить, чем частное общество. Названное воззрение позабывает, что «выключая» суд из государства, оно включает его в целый ряд зависимостей, от которых государство принципиально свободно. И освобожденный от связи с государственной иерархией «свободный» суд рискует быть судом, наиболее зависимым из всех нам известных. Такой суд всего легче может попасть в руки, напр., того или иного частно-хозяйственного объединения, которое будет делать из суда все, что хочет. — В противоположность западной, либеральной теории мы должны утвердить принцип зависимости суда от государства. Это значит, что судьи, как и другие государственные служащие, не могут быть безответственными перед государством и не могут быть освобождены, в пределах своей деятельности, от государственного надзора.*) — Утверждение принципиальной зависимости суда от государства никак не равносильно утверждению лицепрятия и пристрастия в судах. Напротив того, государство должно поставить суд очень высоко и обставить судей всеми условиями, обеспечивающими возможность вынесения нелицеприятных и беспристрастных приговоров. В этом смысле — и только в этом — суд должен быть вполне «независимым». Но такая «независимость» суда мало чем отличается от «независимости» других государственных служб. Любой государственный служащий призван руководиться в своей деятельности не какими-либо частными интересами и влияниями, но интересами закона и публичности. В этом смысле «независимым» должен быть любой милиционер. Но, разумеется, в положении судьи сравнительно с положением других служащих должна быть отмечена и некоторая разница. Носители власти управления призваны нелицеприятно исполнять закон в известных жизненных целях, а судья исполняет закон в специальных целях отыскания и установления права. Насколько последняя деятельность принципиальнее и важнее различных сфер деятельности управления (напр., важнее, чем установление

*) Этот принцип подразумевает также: 1) что судебные функции остаются в монополии у государства, как организации наиболее нейтральной; разрешение другим союзам и лицам отправлять судебные функции может последовать только в результате государственного акта, самоограничивающего государственную власть в определенных отношениях; 2) только государство вправе устанавливать конституцию суда и формы судебного процесса; 3) судебные должности являются должностями государственными; назначение судей происходит путем особых административных актов.

порядка уличного движения), настолько и положение судьи должно быть особо квалифицировано в отличие от положения других служащих. Поэтому следует, чтобы порядок назначения судей был обставлен особыми условиями, чтобы судья сменялся только в особо важных случаях и т. п. Если права судей выше, чем других служащих, то выше должна быть и их ответственность. Судейские проступки и преступления должны караться более суровыми наказаниями, чем проступки и преступления других служебных лиц. Кому вручено хранить закон, тот должен больше и отвечать по закону.

3. Каковы должны быть принципы, положенные в основание судоустройства? Историки судоустройства не раз указывали, что ни одна из областей государственной жизни не отображает в себе с такой явственностью культурные особенности народов, как судебные установления. Сколь характерно отличны были, например, типы судебных установлений римских, древне-германских, англо-саксонских и т. п. Мы не говорим уже о судоустройстве народов, не принадлежащих к европейской цивилизации. И потому можно сказать, что утрата собственной, национальной формы судоустройства и судопроизводства является для народа признаком максимума возможной денационализации. Но не достигли ли мы этого максимума в период Империи, когда в угоду западным теориям, мы, поистине, утратили почти всякое воспоминание о собственном начале судоустройства и судопроизводства, построив свой суд сначала по германско-прусскому образцу, а потом по образцам романско-либеральным? «Законы греко-римские» — писал граф Блудов в предисловии к Уставу Гражданского Судопроизводства (1864), — «в отечестве нашем не имели почти никакого влияния на ход и развитие нашего судопроизводства... Развитие законов и судебных учреждений в государстве русском, лишенное пособия науки, поддерживаемой правом римским, сим, можно сказать, вспомогательным в других землях законодательством, было медленное, а иногда и принимало направление неудовлетворительное и ошибочное». Мы видим, что авторы судебных уставов, при полном признании особых путей нашего развития, не склонны были усмотреть впутях этой истину. И это было самым уязвимым пунктом нашего судопроизводства и судоустройства, несмотря на его столь часто восхваляемый «прогрессивный» характер с эпохи «великих реформ». Судоустройство наше эпохи «великих реформ» отвлеченно было не плохо, но конкретно оно совершенно не считалось с состоянием народного правосознания и с глубокими историческими традициями, в нем коренившимися.

— Исторически русский суд был издавна судом народно-государственным. Древнейший памятник нашего судопроизводства, «Псковская судная грамота», установила тот порядок, по которому ни князь не мог судить без посадника, ни посадник без князя. Для различных по судопроизводству действий всегда назначались два лица: одно от князя и одно от общества. Дьяки, писцы и пристава были также княжеские и городские. И судебные приговоры совершались в двух грамотах, — одна грамота «чести дьяку княжему», другая грамота «чести дьяку городскому». Это присутствие народного элемента в суде перешло и в Московское законодательство. Судебник 1497 года запретил рассматривать и решать дела без приглашения в заседание старосты и лучших людей. Судебник 1550 года всецело принимает и развивает это установление. Однако, в конце московского периода порядок этот уничтожается. Уложение 1649 года отменяет исконный обычай, чтобы на суде наместника присутствовал староста и целовальник, — и московский суд таким образом переходит в руки приказных людей и теряет свой общественный характер. Империя дает этому порядку дальнейшее упрочение: вплоть до «эпохи великих реформ» суд у нас остается чисто чиновничьим и кроме того с явно выраженным классовым характером. Новые судебные уставы пытаются ввести в суд народный элемент, но по образцам не народным, а западным. Пресловутый суд присяжных, столь прославленный русской либеральной интеллигенцией, народом нашим был принят довольно равнодушно и не заслужил имени суда истинно-народного. Учреждение особых волостных судов как будто особо подчеркивало ту двойную жизнь, которую вела Империя, — с одной стороны жизнь «образованной», «барской» Руси, для которой имелись особые суды и особое право, и с другой стороны ны, жизнь крестьянской, сермяжной Руси со своими судами и со своим особым правом.

Что касается до нашего судопроизводства, то и его развитие шло путями западных заимствований. Народам, живущим на территории России-Евразии, так же как и первоначальным

германцам, были совершенно чужды формы римского процесса. Состязательное начало в процессе, которое германисты считают изобретением германского народного духа, было столь же свойственно и древне-русскому процессу. Однако, в древности оно лишено было той преувеличенной исключительности, которая была придана состязательному процессу позднейшей романской либеральной доктриной. И Псковская судная грамота и Московские судебники, признавая состязательное начало в процессе, в той или иной степени совмещали его с началом следственным. Петр I, подражая судебным законам Фридриха Прусского, решился отменить состязательный процесс и устный характер судопроизводства заменил письменным. Исправления, которые были позднее внесены в первоначальную Петровскую реформу, не помешали следственному процессу исключительно господствовать в судах Империи вплоть до эпохи судебных реформ, когда у нас было введено состязательное судопроизводство в его исключительном, западном, романско-либеральном понимании. Состязательный процесс в его последней, романско-либеральной форме является утверждением начала личной автономии в суде и отражает общую структуру государства, лишенного какой-либо положительной миссии. Государство, которое своим идеалом ставит принцип невмешательства, считает возможным только минимально вмешиваться в столкновение интересов, разбираемых судом. Действия суда при таком порядке должны исключительно зависеть от требования сторон, от их частной инициативы. Для подобного процесса характерны три принципа: 1) *Judex ne procedat ex officio* (судья не начинает дела по своей обязанности, след., без просьбы сторон); 2) *Ne eat judex ultra petitia partium* (судья не выходит за пределы просьбы сторон); 3) *Quod non est in actis, non est in mundo* (судья ограничивается формальным составом дела, а не его существом). В общем эти начала и были положены в основание наших реформированных уставов гражданского судопроизводства. Что же касается до процесса уголовного, то, конечно, означенные начала к нему полностью не были применимы даже с точки зрения либеральной доктрины. В уголовном процессе сталкивается частное деяние с публичным интересом и, стало быть, в нем государство, так или иначе, выходит из своей инертности, представляет принцип публичности и стремится к активному расследованию дела и к активной защите общества. Уголовный процесс силою вещей должен совмещать так обр. порядок состязательный с порядком следственным, без некоторых элементов коего он не мыслим. В такой смягченной форме и было введено состязательное начало в наш реформированный уголовный процесс.

Нельзя не отметить, что применение у нас новых, реформированных судебных уставов с их либеральной доктриной многих привело к глубокому разочарованию. «Господствующая доктрина о состязательном начале» — писал в 1898 г. Н. А. Гредескул — «путает всю теорию гражданского процесса, извращает судебную практику и тормозит правильное движение процессуального законодательства. Отожествивши состязательное начало с пассивностью суда в процессе, эта доктрина низвела его до полной бессодержательности, из живого принципа превратила в совершенно мертвую формулу. Состязательное начало могло бы сохранить живое значение только в случае, если бы пассивность суда могла быть проведена в процессе от начала до конца, если бы в сию инициативу в процессе можно было передать сторонам. Но это не возможно: процесс есть совместная деятельность, взаимодействие суда и сторон; никакими усилиями мысли его нельзя превратить в одностороннюю деятельность только сторон, которую пассивно созерцал бы суд.»*) И вот другой отзыв, касающийся уже не доктрины, а практики. «Состязательный процесс принес нам глубокое разочарование: он окончательно убил в нас веру в правду суда, поставил в фальшивое положение наше адвокатское сословие и оказал растлевающее влияние на наши нравы». Процесс этот, по мнению автора, ведет к «нарушению доверия», к культуре «неверности слову», к практике «обмана и притязательности». Он не служит к достижению материальной правды, возбуждает вражду магистратуры и адвокатуры. «Не ко двору нам эти иностранные диковинки, которые только и хороши в тамешних условиях; к нам они не подходят... Мы должны откровенно сознаться, что весь этот состязательный порядок судебный совсем не в наших нравах.»**)

*) Цитирую по Тютрюмову, Устав Гражд. Судопр.

**) А. Краевский, Практические заметки о свойствах состязательного начала в гражданском судопроизводстве, СПб., 1897, стр. 6 и слл.

4. В настоящее время среди эмигрантских юристов довольно распространено мнение, что, по крайней мере, в ближайшем будущем невозможно у нас возвращение к судебным уставам Александра II просто потому, что уставы эти «слишком для нас хороши». Этой точке зрения мы должны противопоставить другую, евразийскую: возвращение к этим уставам неправильно просто потому, что они нашему народному сознанию не соответствуют, а, следовательно, они для нас не пригодны. Пришла пора покончить с тем наивным, чисто интеллигентским пред-рассудком, что в романской либеральной теории судоустройства и судопроизводства лежит некоторая абсолютная истина и что непризнание этой истины равно политической измене и нравственному падению. Судоустройство и судопроизводство прежде всего являются делом юридической техники, и в способах организации процесса, как во всякой технике, нет абсолютных истин. Вопрос здесь идет о том, как удобнее и практичнее при данных условиях построить судебный процесс? Впрочем, во всякой технике имеются, конечно, некоторые последние руководящие начала, — начала, которые требуется установить и при построении техники судебной. Для нас, евразийцев, романская либеральная теория процесса не приемлема, ибо она как раз противоречит нашим основным принципам в воззрениях на государство. Мы наделяем государство положительными заданиями и выводим его тем самым из состояния политического маразма. Наше государство отвергает либерально-демократический релятивизм и ставит государству положительные задания «народоводительства» во всех областях общественной жизни. Таким образом положительные задания встают перед государством и в области суда. Суд наш будет судом государственным, судом, проявляющим свою активность, судом, наделенным положительной миссией. Такой суд не может предоставлять стороны исключительно самим себе, он будет отстаивать право публичной власти не только служить сторонам, но и оценивать их действия с точки зрения публичных интересов. Наконец, он будет судом народным, — не в смысле отражения западных демократических теорий, но в смысле восприятия наших исторических народных традиций.

Принятие этих начал обязывает нас к особой установке по отношению к советскому законодательству о судоустройстве и судопроизводстве. Мы отнюдь не являемся поклонниками современной судебной практики в Советской России. Мы не склонны преуменьшать всех ее недостатков, обусловленных и вызванной революцией расшатанностью правосознания, и культом классового принципа в современных русских судах, и недостатком подготовленных судебных деятелей. Но если говорить не о существующих порядках в судах, а о принципах, положенных в советское судоустройство и судопроизводство, то многие из них мы должны признать более реалистическими, более соответствующими условиям русской жизни, более отвечающими правосознанию русских народных масс, и более совпадающими с нашими воззрениями на суд, чем принципы, положенные в судебное законодательство Империи. В области судоустройства и судопроизводства приходится отметить то, что мы отмечали и в других областях права; стихия русской революции заставила русских марксистов вести такую правовую политику, которая из учения Маркса полностью не вытекает, а в то же время отображает некоторые черты правосознания народов России-Евразии.*)

«Мы построили наш процесс так, что он, вероятно, со стороны западно-европейской буржуазной науки встретит самое отчаянное сопротивление, самую злостную критику» — говорил на 2-ой сессии ВЦИК 10-го созыва докладчик по вопросу о советских судебных уставах. Мы обязаны подчеркнуть, что со стороны евразийства некоторые из начал советского суда (но конечно, не все) и не подлежат «злостной критике» и не встречают «сопротивления». Советский суд есть суд, в котором народный элемент (в виде заседателей) сочетается с элементом государственным. Порядок этот не чужд западному судоустройству (суд шеффенов), но он, как мы видим, в то же время был исконным порядком суда русского**). Он более почвенен, чем пресловутый суд присяжных. — Советское судоустройство отменило сложную систему судебных инстанций, построенных для обжалования приговоров. «Мы решаем дело один раз»

*) статью в предшеств. VIII-ом вып. «Евразийской Хроники» «Народное право и задачи нашей правовой политики».

**) Главное различие между судом шеффенов и судом присяжных то, что в первом общественный элемент составляет с магистратурой одну коллегию, во втором — две различных коллегии.

— говорят авторы советского судоустройства. «Никакой апелляции у нас нет». Но еще по Псковской судной грамоте, суд, кому бы он ни принадлежал, по выражению одного из историков русского права (Беляева), «пользовался таким уважением, что всякий приговор его был окончательным». Система инстанций, введенная по западным образцам в законодательстве Империи, имела противников и в нашей русской дореволюционной юридической литературе, так что порядок, принятый советским законодательством, нужно считать просто возвращением к началам, законами Империи пренебреженным. — Советское гражданское судоустройство стало, далее, в совершенно правильное отношение к состязательному началу в процессе; оно не отменило этого начала, однако освободило его от западной утрировки. Соображения, которые были по этому поводу высказаны при обсуждении судебных уставов, не могут не быть признаны совершенно справедливыми, и принципиально, и практически. «Какъ судья должен себя вести?» — говорил докладчик на упомянутой сессии ВЦИК'а. «Должен ли он набрать воды в рот, сидеть смирно, следить за тем, как стороны будут приводить доказательства, как стороны будут между собой спорить, друг друг возражать, а затем, когда судоговорение будет закончено, внести свою оценку, в виду судебного решения, или же он должен принимать в суде активное участие. Для того, чтобы можно было построить гражданский процесс по первому типу, о котором я говорю, одним из необходимых условий является полное равенство сторон в процессе, — равенство в смысле овладения законодательными нормами, в смысле знания. Этого, конечно, представить себел нельзя, в особенности в такой стране, как Россия. Старый устав гражданского судопроизводства был построен, именно, по такому принципу. В старом уставе было сказано, что судья ни в коем случае не имеет права по собственной инициативе, по собственному желанию требовать каких бы то ни было доказательств. Это — совершенно ошибочное отношение к вопросу Мы стоим на диаметрально противоположной точке зрения, мы обязываем судью принимать активное участие в гражданском процессе... Мы построили процесс так, что рабочие и крестьяне, которые обращаются в суд с каким-нибудь гражданским требованием, заранее могли бы быть уверены в том, что они со стороны самого судьи встретят защиту и охрану своих интересов... Мы не имеем возможности обеспечить бесплатную юридическую помощь населению, и говорить об этом было бы только фразой, и если так, то нам нужно построить наш процесс так, чтобы судья сам в первую голову такого рода содействие оказывал рабочим и крестьянам, которые будут к нему обращаться». Призвав суд к активности, советское судопроизводство заставляет его отступить от начала формализма. Суд не в праве ограничиваться только формальной правдой и формальными условиями дела, выясненными в процессе. Суд призван решать дела по существу. «Если бы мы стали строить процесс так, чтобы судья дал только то, что называется формальной правдой... авторитет суда пал бы». — Наконец, советские уставы придали большое значение началу публичности в процессе. Представитель публичной власти (прокурор) может пред'явить в гражданском суде требования, когда стороны их не пред'являют. Это вполне вытекает из воззрения на государство, для которого гражданский оборот является не предметом молчаливого воздержания, но объектом положительной регуляции.

Что касается до советского уголовного процесса, то начала в него заложенные, не представляются безусловно неприемлемыми и его критикам. Советский уголовный процесс взял многое из старых судебных уставов, освободив их от преувеличенных влияний западного либерализма. Он резко подчеркнул начало публичности процесса (ст. 9-10 Уг. проц. кодекса). Он резко формулировал принцип материальной истины в процессе, утверждая, что «суд не ограничен никакими формальными доказательствами; от него зависит по обстоятельствам дела допустить те или иные доказательства и потребовать их от третьих лиц» (ст. 57). Он определенно подчеркнул права председательствующего, что соответствует не раз высказанным пожеланиям в старой русской юридической литературе (ст. 257: «Председательствующий в судебном заседании управляет ходом судебного заседания, устраняет из судебного следствия и прений сторон все, не имеющее отношения к рассматриваемому делу, направляя судебное следствие в сторону, наиболее способствующую раскрытию истины».) Кодекс совмещает начала состяза-

тельности и следственности, подчеркивает равноправность сторон, непосредственность процесса и его гласность.

Словом, в нашем судебном законодательстве мы принципиально можем взять за отправную точку советские законы. Наша дальнейшая задача будет сводиться к тому, чтобы освободить современный процесс от навязанного ему односторонне-классового начала, чтобы сделать его общенародным и еще более развить в нем культурно-исторические традиции, свойственные народам России-Евразии,

Н. Н. Алексеев,

МОНАРХИЯ ИЛИ СИЛЬНАЯ ВЛАСТЬ?

В широких кругах эмиграции, часто любящих изъясняться по вопросам политики — конечно, при усиленной поддержке правой печати — понятие монархии неразрывно связывается с понятием о сильной власти. Можно даже сказать, что забывая о СССР, которому при всех его действительных дефектах, нельзя отказать в политической силе, эмиграция считает монархию единственной государственной формой, могущей осуществить сильную власть, столь явно необходимую для будущей России. Присходит это отчасти оттого, что прошлому, в гипнозе которого все еще пребывает множество людей, приписываются все, даже и не бывшие качества, отчасти же потому, что монархию считают какой-то навсегда данной и исторически неизменной формой. На самом деле монархия, как всякая политическая система, постоянно изменялась и изменяется, и, конечно, между монархиями Людовика XIV, Наполеона, Эдуарда VII, Петра Великого, Александра I и Николая II — мало что есть общего. Если же приглядеться к современным европейским монархиям, то можно прийти к заключению, что они уже давно не являются формами автократической государственности, и скорее подходят по типу к тем политическим системам, которые называются демократическими. Таковы — болгарское царство, королевства румынское С.Х.С., шведское, голландское, королевство бельгийцев... и до-фашистская Италия и предиктаториальная Испания. Во всех поименованных случаях монархический строй уже не имеет глубоких культурных и социологических корней, и единоличное возглавление верховной власти может почитаться лишь как технический атрибут политической жизни. Исключение, составляет монархический принцип Великобритании. Здесь королевская верховная власть не только связана с прочно сохранившейся аристократической традицией, но и является необходимым идеалистическим контрфорсом для основной движущей великобританской силы имперского предпринимательства. Каждый английский гражданин находится как бы в двойном внутреннем подданстве: у своей «английской» традиции (король) и у грандиозного предпринимательского «дома» Империи (доминионы и колонии). Лишь благодаря этой двуликости английская государственность находит в себе способности и силы для преодоления своей всегда сложной и рискованной политики. Т. о. для Англии монархический принцип оказывается до сего времени и культурно обоснованным и политически необходимым.

Из четырех больших после-военных революций (русская, германская, австро-венгерская, итальянская) лишь в Италии удержался монархический режим и удержался, видимо, потому, что не был определенно связан с какой-либо политической предреволюционной конъюнктурой, подобно тому, как германская монархия определяла собой агрессивно-милитарный стиль «пруссачества», или австро-венгерская корона — неорганичность придунайской монархической псевдо-федерации, или, наконец, как русская монархия стояла в неразделимой связи с общим чудовищным политическим декадансом предвоенной и предреволюционной России. Русское Царство не было достаточно ничтожным, чтобы уцелеть, временно сойдя на нет, подобно итальянской монархии, но оно было настолько надломлено и дезориентировано,